
Диакон Сергей Кульпинов

История обновленческого раскола в источниках личного происхождения, принадлежащих перу «архиепископа» Алексея Петровича Копытова

УДК 271.2-856

DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_327

Аннотация: В статье анализируются два документа из фонда № 485 Государственного архива Иркутской области. Рассматриваются жанровые и стилистические особенности данных источников, время и исторический контекст их возникновения. Анализируется положение Иркутской обновленческой епархии и Восточно-Сибирской митрополии в этот период. Делается вывод о принадлежности данных документов перу «архиепископа» Алексея Петровича Копытова. Анализируется основное содержание рассматриваемых документов. Первый из документов, озаглавленный «Отчет о состоянии Восточно-Сибирской митрополии за первый период ее существования», представляет собой черновик официального отчета с многочисленными авторскими ремарками и содержит описание положения Восточно-Сибирской митрополии во второй половине 1931 г. с характеристиками ряда правящих «архиереев». Также документ содержит воспоминания автора об истории обновленчества в Сибири. Второй исследуемый документ является неотправленным письмом «архиепископа» Алексея Копытова, адресованным «митрополиту» Николаю Матвеевичу Минину, которое можно датировать серединой 1932 г., и содержит преимущественно критику обновленческого Священного Синода. В статье делается вывод о том, что «архиепископ» Алексей Петрович Копытов, будучи идейным обновленцем, резко критиковал «иерархов», дискредитирующих обновленческий раскол, а также политику Синода по отказу от ряда церковных реформ.

Ключевые слова: обновленческий раскол, история Иркутской епархии, «архиепископ» Алексей Петрович Копытов, «митрополит» Николай Матвеевич Минин, «митрополит» Александр Иванович Введенский, ВСКМЦУ, обновленческий Священный Синод, православно-англиканский диалог.

Об авторе: **Диакон Сергей Сергеевич Кульпинов**

Кандидат богословия, старший преподаватель кафедры Церковного богословия Новосибирской православной духовной семинарии.

E-mail: agnus.dei@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3266-8876>

Ссылка на статью: Кульпинов С., диак. История обновленческого раскола в источниках личного происхождения, принадлежащих перу «архиепископа» Алексея Петровича Копытова // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 327–338.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2021

Deacon Sergiy Kulpinov

**The History of the Renovationist Schism in Sources
of Personal Origin Belonging to the Pen
of “archbishop” Alexy Petrovich Kopytov**

UDC 271.2-856

DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_327

Abstract: The article analyzes two documents from the collection no. 485 of the State Archive of the Irkutsk Region. The genre and stylistic features of these sources, the time and historical context of their origin are considered. The position of the Irkutsk Renovationist Diocese and the East Siberian metropolis during this period is analyzed. It is concluded that these documents belonged to the pen of “Archbishop” Alexy Petrovich Kopytov. The main content of the documents under consideration is analyzed. The first of the documents, entitled “Report on the State of the East Siberian Metropolitanate for the First Period of Its Existence”, is a draft of the official report with numerous author’s remarks and contains a description of the position of the East Siberian Metropolitanate in the second half of 1931 with characteristics of a number of ruling “bishops”. The document also contains the author’s recollections of the history of Renovationism in Siberia. The second document under study is an unsent letter from “Archbishop” Alexy Kopytov, addressed to “Metropolitan” Nikolai Matveyevich Minin, which can be dated to mid-1932, and contains mainly criticism of the Renovationist Holy Synod. The article concludes that “Archbishop” Alexy Petrovich Kopytov, being an ideological renovator, sharply criticized the “hierarchs” discrediting the Renovationist schism, as well as the Synod’s policy of rejecting a number of church reforms.

Keywords: Renovationist Schism, history of the Irkutsk Diocese, “archbishop” Alexy Petrovich Kopytov, “metropolitan” Nikolai Matveyevich Minin, “metropolitan” Alexander Ivanovich Vvedensky, ESRMCA, Renovationist Holy Synod, Orthodox-Anglican dialogue.

About the author: **Deacon Sergey Sergeevich Kulpinov**

Candidate of Theology, senior lecturer of the Department of Church Theology of the Novosibirsk orthodox theological seminary.

E-mail: agnus.dei@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3266-8876>

Article link: Kulpinov S., deac. The History of the Renovationist Schism in Sources of Personal Origin Belonging to the Pen of “archbishop” Alexy Petrovich Kopytov. *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 4, pp. 327–338.

Введение

Говоря об источниках личного происхождения, относящихся к деятельности видных представителей обновленческого раскола, следует отметить, что данная проблематика уже неоднократно поднималась в работах исследователей. В первую очередь, необходимо сказать об источниках, относящихся к жизни и деятельности обновленческого «митрополита» (далее — «митр.») Александра Ивановича Введенского. Помимо собственных дневниковых записей «митр.» Александра, озаглавленных «Мои мысли о политике. Дневник только для самого себя», введенных в научный оборот свящ. И. В. Соловьевым [Соловьев, 2009, 304–305], весьма значительным пластом является мемуарное наследие А. Э. Краснова-Левитина, содержащее подробные описания ситуации внутри обновленческого раскола в 1930-х — первой половине 1940-х гг., а также пространно описывающее период нахождения обновленческого первоиерарха в эвакуации в Ульяновске в 1941–1943 гг. [Краснов-Левитин, 1990; Краснов-Левитин: *Лихие годы*; Краснов-Левитин: *Рук твоих жар*].

Вместе с тем источники личного происхождения, касающиеся жизни и деятельности ключевых участников обновленческого раскола на региональном уровне, остаются, в большинстве своем, неизученными.

Период институционализации обновленческого раскола в Иркутской епархии освещается в дневнике прот. П. А. Попова, введенном в научный оборот Е. В. Ильиной и О. Т. Базалийской [Попов, 2011; Ильина, Базалийская, 2011]. Однако данный дневник на сегодняшний день является фактически единственным изученным источником личного происхождения, относящимся к церковной истории Восточной Сибири данного периода. Источники личного происхождения, принадлежащие перу клириков и «иерархов» Иркутской обновленческой епархии, в науке ранее не исследовались. В силу слабой изученности рассматриваемой проблематики данное исследование представляется актуальным для исторической науки.

Помимо этого, анализ источников личного происхождения позволяет установить подлинные взгляды и мнения ключевых участников обновленческого раскола на региональном уровне и, следовательно, более полно рассматривать обновленчество как сложную систему, возникшую в результате влияния политических процессов на развитие Русской Православной Церкви.

В рамках настоящего исследования нами ставится цель проанализировать видение истории, современности и перспектив обновленческого раскола в двух источниках личного происхождения, предположительно принадлежащих перу Иркутского «архиепископа» (далее — «архиеп.») Алексия Петровича Копытова.

Для достижения данной цели выдвигаются следующие задачи:

Определить принадлежность, время создания и жанровые особенности исследуемых документов;

Проанализировать исторический контекст возникновения рассматриваемых источников;

Исследовать основное содержание анализируемых документов.

Принадлежность, время создания и жанровые особенности исследуемых документов

В рамках настоящего исследования нами анализируются два документа из фонда № 485 Государственного архива Иркутской области (далее — ГАИО). Первый из них озаглавлен «Отчет о состоянии Восточно-Сибирской митрополии за первый период ее существования» (далее — «Отчет»). Анализируя события, описанные в документе, можно смело утверждать, что он был составлен в декабре 1931 г. либо в январе 1932 г. В первую очередь, об этом свидетельствует тот факт, что в источнике описываются исключительно события, происходившие в 1931 г. (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 1–2),

отсутствует упоминание несостоявшегося съезда Восточно-Сибирской митрополии, запланированного на 28–30 мая 1932 г., и подготовки к нему (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 215. Л. 1), также не упоминаются какие-либо сношения митрополии с Якутской епархией, связь с которой к началу 1932 г. еще не была установлена (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 115 об.).

Принадлежность данного документа перу «архиеп.» Алексея Петровича Копытова обосновывается, в первую очередь, описываемыми фактами, которые носят автобиографический характер (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 10-12). В то же время характерной особенностью документа является повествование автора о себе в третьем лице (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 10). Данная особенность, вероятно, проистекает из первоначального построения документа именно в виде официального отчета. Вторым важным обоснованием авторства именно «архиеп.» Алексея служит идентичность почерка, которым написан «Отчет», с почерком, которым велась официальная документация Иркутского епархиального церковного управления (далее — ИЕЦУ) в марте-апреле 1931 г. (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 82 об.-86), то есть в тот период, когда «архиерей» добровольно взял на себя обязанности секретаря ИЕЦУ (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 82 об.).

Четко определить жанр рассматриваемого документа представляется довольно сложной задачей. Следует отметить, что текст озаглавлен именно как «Отчет» и содержит ряд официальных сведений о Восточно-Сибирской митрополии: число епархий, краткие характеристики правящих «архиереев» и описание положения обновленческих структур (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 1, 4, 5, 7, 18). В то же время приводимые сведения сопровождаются пространными авторскими ремарками, по стилю и языку не соответствующими правилам составления официальных документов (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 1–2).

Можно предположить, что первоначально планировалось направить данный документ в обновленческий Священный Синод, поскольку Восточно-Сибирская митрополия как административная единица находилась в его непосредственном подчинении (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 188. Л. 14), однако, из-за многочисленных авторских отступлений, было принято решение не направлять данный документ в высшие церковные инстанции, в результате чего он и отложился в фондах ГАИО. Иными словами, жанр рассматриваемого документа можно определить как черновик официального отчета с многочисленными авторскими ремарками.

Второй рассматриваемый нами документ в фонде № 485 ГАИО причислен к документам, чье авторство и датировка не установлены, и озаглавлен «Переписка о сущности Обновленческого раскола» (далее — «Письмо»). В реальности, исходя из описываемых в нем событий, в частности упоминания несостоявшегося съезда Восточно-Сибирской митрополии, о котором автор говорит фактически «по горячим следам», можно с уверенностью отнести время появления данного документа к середине лета 1932 г. (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 275).

По своему жанру документ совершенно определенно является письмом, однако письмом не отправленным, поскольку, во-первых, отсутствует заключительная часть и подпись автора, во-вторых, документ, написанный в Иркутске, о чем свидетельствует его содержание, отложился в ГАИО. Авторство «архиеп.» Алексея Копытова определяется как по содержанию документа, так и по почерку писавшего письмо. В источнике отсутствует четкий адресат, однако автор обращается к некоему «Высокопреосвященнейшему Владыке Николаю» (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 275. Л. 1). Из употребленной титулатуры становится очевидным, что адресат в середине 1932 г. мог носить сан либо «архиепископа», либо «митрополита». Первоначально, опираясь на биографии обновленческих «иерархов», приводимые прот. В. В. Лавриновым [Лавринов, 2016], мы выдвинули предположение, что адресатом документа мог быть «митр.» Николай Иовлевич Винокуров [Кульпинов, 2020], который ранее служил священником в Иркутске (ГАИО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 18. Л. 6), а в 1932 г. занимал Калужскую кафедру (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 252. Л. 24). Однако дальнейшая корреляция

источников позволила установить, что с большей вероятностью адресатом письма являлся «митр.» Дальневосточный Николай Матвеевич Минин, с которым Восточно-Сибирское краевое митрополитанское церковное управление (далее — ВСКМЦУ) и лично «архиеп.» Алексей неоднократно письменно связывались в 1931 и 1932 г. по ряду административных вопросов (в частности, по вопросам подчинения Якутской епархии и ее состояния, а также перевода в Восточно-Сибирскую митрополию «архиеп.» Константина Ивановича Знаменского) (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 116, 120 об., 132 об.; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 225. Л. 9; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 237. Л. 2).

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что автором обоих рассматриваемых документов является «архиеп.» Алексей Петрович Копытов, что подтверждается как единством почерка, так и содержанием источников. Первый анализируемый документ можно отнести к декабрю 1931 — январю 1932 г., второй определенно был написан в середине лета 1932 г. Жанр первого рассматриваемого документа нами определяется как черновик отчета, содержащий многочисленные авторские ремарки, второй документ является неотправленным письмом, адресованным, с большой вероятностью, «митрополиту» Дальневосточному Николаю Матвеевичу Минину.

Исторический контекст возникновения рассматриваемых источников

«Архиеп.» Алексей Петрович Копытов был назначен в Иркутск постановлением обновленческого Священного Синода от 13 января 1931 г. (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 188. Л. 14) и фактически прибыл к новому месту служения 5 марта 1931 г. (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 2). Ему предстояло одновременно вступить в управление Иркутской епархией и организуемой Восточно-Сибирской митрополией. В анкете, представленной в исполком Восточно-Сибирского края, «архиерей» указывал о себе следующие сведения: «родился 10 марта 1873 г., в сане с 15 окт. 1895 г., епископская хиротония — 28 янв. 1923 г., осужден не был, в Иркутске по назначению, размер получаемого вознаграждения не определен» (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 191. Л. 2).

Фактически управление епархией и митрополией «архиеп.» Алексием пришлось на период, последовавший сразу за пиком гонений на обновленческий раскол в Восточной Сибири, пришедшимся на 1930 г., когда вследствие ряда процессов, как внешних, так и непосредственно относящихся к религиозным структурам, была закрыта масса обновленческих храмов. В частности, в Иркутской обновленческой епархии число действующих приходов сократилось почти в четыре раза: с 86 (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 179. Л. 1) до 22, включая вакантные (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 89–97). Оставшиеся приходы либо приспособились к новым условиям (значительно возросшему налогообложению в условиях падения фактических доходов общин и усилению антирелигиозной пропаганды), либо фактически доживали свой век, осознавая неизбежное закрытие в ближайшем будущем. Одновременно с закрытием значительной части приходов наблюдалось и сокращение числа духовенства. Часть клириков подверглась арестам, ряд священнослужителей, по преимуществу под давлением внешних условий, отказались от сана (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 202. Л. 8; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 50, 50 об., 52, 53 об., 54, 55 об., 57). Аналогичная ситуация, с некоторыми региональными особенностями, складывалась и в других епархиях митрополии (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 211. Л. 1; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 212. Л. 2; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 214. Л. 5–5 об.; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 210. Л. 1 об.; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 219. Л. 2 об.–12).

Более подробно мы писали о состоянии Восточно-Сибирской обновленческой митрополии в этот период в одной из предыдущих публикаций [Кульпинов, 2019]. Здесь же отметим, что 1931–1932 гг. стали временем некоторой стабильности в положении обновленческого раскола в Восточной Сибири. Оправившись от урона, нанесенного беспрецедентными к тому моменту гонениями, вновь образованная Восточно-Сибирская митрополия пыталась строить жизнь в новых условиях, развивая коммуникацию

с епархиями и общинами. ВСКМЦУ осуществляло посредничество между епархиями и приходами и органами государственной власти Восточно-Сибирского края, в первую очередь, передавая жалобы на неправильный расчет налогов на местах, а также неправомочные действия местных властей в отношении священнослужителей (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 100 об.–114 об.). Конец 1931 — начало 1932 г. стали временем постепенной стабилизации работы ВСКМЦУ. К этому моменту окончательно определились границы митрополии (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 207. Л. 1, 6), хотя связь с Якутской епархией еще не была установлена (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 115 об.). Вскоре была начата подготовка к митрополитанскому съезду, призванному решить основные организационные вопросы новой церковной структуры (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 215. Л. 1).

В связи с вышесказанным вполне логичным представляется, что в первом из рассматриваемых нами документов большое внимание уделяется анализу истории и текущего состояния Иркутской обновленческой епархии (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 13–16), в непосредственное управление которой вступил «архиеп.» Алексей Копытов. Также документ содержит характеристики ряда правящих «архиереев» в восточносибирских епархиях (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 5–7). Помимо этого, довольно кратко рассказывается о работе самого ВСКМЦУ (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 1, 4, 18).

К середине 1932 г. ситуация в Восточно-Сибирской обновленческой митрополии практически не изменилась с конца 1931 г. Запланированный на конец мая 1932 г. митрополитанский съезд не состоялся по ряду причин, что не позволило решить многие организационные вопросы, в частности, официально избрать «митрополита» и членов ВСКМЦУ и определить источники финансирования митрополии (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 124).

В этот период наметился и некоторый прогресс обновленческого движения в отдельных епархиях Восточно-Сибирской митрополии. В частности, в 1932 г. в обновленчество из Патриаршей Церкви перешли два прихода в Верхнеудинской епархии (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 229. Л. 2), в Канской епархии в это же время к расколу присоединились также две общины и было совершено три пресвитерских хиротонии (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 230. Л. 1 об.). В то же время тяжелое положение, на грани полной ликвидации обновленчества, продолжало сохраняться в Читинской и Сретенской (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 265. Л. 3 об.) епархиях.

С другой стороны, к этому времени обновленческим Священным Синодом окончательно был взят курс на свертывание подавляющего большинства церковных реформ. 2 марта 1932 г. Синод, заслушав доклад «митр.» Александра Введенского о славянском языке как «незыблемой основе обновленчества», постановил, что богослужение во всех храмах должно совершаться на славянском языке, кроме того, все остальные богослужебные нововведения, в первую очередь чтение вслух тайных литургических молитв, также отменялись. Оговаривалось, что русский язык в богослужении может использоваться только в исключительных случаях и по достаточно веским основаниям (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 223. Л. 3). Пленум Синода, приуроченный к десятилетнему юбилею обновленчества, начавший свою работу 8 мая 1932 г., подтвердил курс на отказ от литургических реформ (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 223. Л. 1 об.).

Таким образом, «архиеп.» Алексей Копытов вступил в управление Иркутской епархией и Восточно-Сибирской митрополией в период, последовавший сразу за массовым закрытием обновленческих храмов, имевшим место в 1930 г. Оставшиеся действующие приходы либо приспособились к этому времени к новым условиям существования, либо осознали скорое неизбежное закрытие. Первый из рассматриваемых нами документов, «Отчет», создавался в период постепенной стабилизации работы ВСКМЦУ. К середине 1932 г., несмотря на то, что митрополитанский съезд не состоялся и часть организационных вопросов остались нерешенными, в ряде епархий наметился некоторый прогресс. В то же время с весны 1932 г. Священным Синодом был взят курс на отказ от литургических реформ, означавший победу консервативных взглядов внутри обновленческого раскола.

Основное содержание анализируемых документов

Первый из рассматриваемых нами документов, озаглавленный «Отчет о состоянии Восточно-Сибирской митрополии за первый период ее существования», начинается, как типичный канцелярский отчет, с предоставления кратких статистических сведений. Указывается число епархий, изначально подчиненных ВСКМЦУ, а также упоминается о причислении к митрополии Якутской епархии, последовавшем 22 августа 1931 г. (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 1).

Довольно резко автор переходит от описания состояния митрополии к характеристике прежнего главы Иркутской епархии «архиеп.» Петра Михайловича Добринского. Примечательно, что до приезда в Иркутск «архиеп.» Алексей весьма доброжелательно был настроен по отношению к «архиеп.» Петру, отправил ему теплое письмо о своем скором приезде после назначения на Иркутскую кафедру (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 188. Л. 13). Причиной резкой смены положительного отношения к «архиеп.» Петру Добринскому на негативное следует считать прием, который данный «архиерей» оказал своему преемнику по Иркутской кафедре. Как пишет «архиеп.» Алексей, «В 11 часов ночи 5 марта 1931 г. арх. Петр не только не обогрел с дороги прибывшего в Иркутск архиепископа Алексия Копытова (как уже отмечалось, автор пишет о себе в третьем лице. — *диак. С. К.*), не предложил хлеб-соль, но и сам подсел за стол, поданный соборным сторожем новому архиерею» (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 2). Далее автор «Отчета» подчеркивает, что его предшественник по кафедре строил честолюбивые планы возглавить митрополию и вел себя недостойно. В частности, приехав в Иркутск, выдавал себя за безбрачного «архиерея», как предполагает «архиеп.» Алексей, чтобы снискать симпатии «церковной публики, по преимуществу, женской». Курьеза этой ситуации добавлял тот факт, что истинное положение вскрылось с приездом в Иркутск к «архиеп.» Петру жены (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 6).

Не давая прямой оценки периоду управления «архиеп.» Петра Иркутской епархией, «владыка» Алексей отмечает, что предшественник оставил ему Богоявленский собор в плачевном состоянии: «без денег и свечей, без единого полена дров» (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 2).

Резкой критике в документе подвергается и «архиеп.» Виктор Александрович Ципкевич, занимавший Канскую кафедру. Указывается, что он позорит обновленчество, имея любовницу, «некую М. Е. Козлову»¹, с которой встречается практически открыто. Помимо этого, «архиеп.» Алексей указывает, что «архиеп.» Виктор не стремится к контактам с ВСКМЦУ, не посещает управление во время своих приездов в Иркутск (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 5). «Архиеп.» Алексей делает ироничное замечание, что «неплохо было бы перевести архиеп. Виктора куда-нибудь подальше, например, в Белоруссию, к его земляку владыке Даниилу (Громовенко. — *диак. С. К.*)» (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 6).

Положительно «архиеп.» Алексей отзывается о Читинском «архиеп.» Александре Васильевиче Авдентове, подчеркивая, что его, как и «архиеп.» Георгия Яковлевича Жука, хорошо вспоминает Красноярская паства. Говоря о положении в Красноярске, автор «Отчета» подчеркивает, что почва для обновленчества в городе благодатная, «тихоновцев», в отличие от Иркутска, крайне мало (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 7).

Далее в «Отчете» автор вспоминает о некоторых сибирских «архиереях», в частности об «архиеп.» Петре Андреевиче Сысуеве, который, прибыв в 1922 г. в Омск, спрашивал у местного духовенства, примут ли его, как архиерея, в брачном состоянии, а затем «перегнул палку», назвав капитализм «смертным грехом», чем отвратил от себя и от обновленчества значительную часть паствы (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 9). С особенной теплотой «архиеп.» Алексей пишет о своем друге и соратнике «архиеп.» Михаиле Николаеве, которого называет «прекрасным организатором,

¹ Связь с М. Е. Козловой неоднократно становилось поводом для критики «архиеп.» Виктора Ципкевича (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 125 об.; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 263. Л. 11).

администратором и дипломатом». Автор вспоминает, как «архиеп.» Михаил, сам недавно рукоположенный в «епископский» сан в Новониколаевске, привез ему вызов на «архиерейскую» хиротонию. В Тюмени, куда был назначен «архиеп.» Алексей Копытов, «архиеп.» Михаил Николаев заранее подготовил духовенство и паству к встрече обновленческого «архиерея». На праздник Сретения в 1923 г. оба «архиепископа» сослужили в Тюмени при большом стечении народа (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 10). Затем «архиеп.» Михаил отбыл на Тобольскую кафедру, где после II Поместного собора вступил в повторный брак. Это событие стало крахом обновленческого раскола в Тобольской епархии. «Архиеп.» Алексей здесь перефразирует известную поговорку «венец — делу конец» (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 11). За повторный брак собор сибирских обновленческих «архиереев» лишил «архиеп.» Михаила сана, однако вскоре он был восстановлен в «архиерейском» достоинстве указом Синода № 2856 (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 161. Л. 1) и занимал Черепановскую викарную кафедру в Новосибирской епархии, а затем, летом 1929 г., получил назначение в Якутск (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 179. Л. 2 об.). Об этих событиях автор «Отчета» не упоминает.

О себе «архиеп.» Алексей Копытов пишет, что 2 октября 1923 г., с выделением самостоятельной Ишимской епархии, он был указом Сибирского областного митрополитанского церковного управления (далее — СОМЦУ) переведен из Тюмени в Ишим, где сумел деятельно противостоять Патриаршей Церкви. Однако 3 августа 1924 г. трое местных протоиереев с двумя общинами вернулись в каноническую Церковь, что стало отправной точкой для начала массового выхода клириков и мирян из обновленчества (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 12).

Обращаясь к истории Иркутской епархии, «архиеп.» Алексей особенно подчеркивает значение «архиеп.» Василия Дмитриевича Виноградова и его преемника Илья Ивановича Фокина. Оба «архиерея» называются «солидными обновленцами» (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 13). Акцентируется внимание на активной деятельности «архиеп.» Василия, вокруг которого «все время копошился обновленческий муравейник, с церковным строительством, благотворительностью, братскими трапезами, концертами, чаями на дому и в поле» (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 14). Автор указывает, что «архиеп.» Василий Виноградов подчеркивал достоинство своей кафедры и претендовал на сан «митрополита», причем, учитывая его успехи, претендовал не безосновательно. В то же время указывается и на тщеславие и снобизм этого «архиерея». В частности, автор «Отчета» пишет, что «архиеп.» Василий держался и вел себя «не как какой-нибудь Ишимский или Славгородский Владыки» (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 13), иными словами, не как сам «архиеп.» Алексей Копытов. Тем не менее, в «Отчете» утверждается, что иркутская обновленческая паства прониклась любовью и почтением к «архиеп.» Василию Виноградову, в подтверждение этому приводится тот факт, что местные обновленцы приглашали его за свой счет в Иркутск летом 1927 г., когда последний уже занимал Псковскую кафедру (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 14).

«Архиеп.» Илья Фокин в документе характеризуется не так пространно, как его предшественник, однако указывается на его проповеднический талант. «Архиеп.» Алексей подчеркивает требовательность иркутской паствы, которая хотела видеть во главе епархии «владыку-академиста», то есть обладающего высшим духовным образованием (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 15).

Вместе с тем высокие запросы паствы, по мнению «архиеп.» Алексея, обосновывались наличием у епархии значительных средств, получаемых от хождения по региону с чудотворной Казанской иконой Божией Матери. После запрета на хождение с иконой, последовавшего в ноябре 1928 г., обновленчество постепенно стало приходить в упадок (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 16).

С уважением «архиеп.» Алексей Копытов пишет о главе СОМЦУ «митр.» Петре Федоровиче Блинове (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 15), во многом противопоставляя его «митр.» Александру Введенскому. Последний в «Отчете» критикуется за свое пренебрежительное отношение к провинциальной пастве, что рассматривается как одна

из причин успехов Патриаршей Церкви в Иркутске (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 16). «Архиеп.» Алексей акцентирует внимание и на бездарности «митр.» Александра в ряде вопросов, его неспособности заниматься административной деятельностью. В наибольшей степени критикуется курс на свертывание обновленческих реформ. Отказ от богослужебных реформ в «Отчете» еще не упоминается, однако стремление «митр.» Александра поставить во главе Синода монашествующего «архиерея» позиционируется как явное отступление от основополагающих идей обновленчества (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232. Л. 17).

«Письмо» «архиеп.» Алексия содержит более жесткие формулировки по отношению к центральной обновленческой власти, нежели «Отчет». Синод в данном документе прямо критикуется за несвоевременное предоставление благословения на проведение съезда ВСКМЦУ в мае 1932 г., а также проигнорированную просьбу митрополии о предоставлении статистических сведений об обновленчестве в СССР (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 275. Л. 1).

О самом несостоявшемся съезде «архиеп.» Алексей пишет без какого-либо сожаления, подчеркивая, что сам не видел необходимости в его проведении. По его мнению, обсуждать на подобном мероприятии было, в целом, нечего, поскольку «митрополия работает „без году неделю“». Кроме того, положение вещей меняется столь быстро, что каждый «иерарх» и клирик должен уметь самостоятельно ориентироваться в ситуации: «Теперь от каждого требуется своя инициатива и быстрое самоопределение к моменту» (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 275. Л. 1).

Приуроченный к юбилею обновленчества майский пленум Синода 1932 г. в письме критикуется, в первую очередь, за определение Патриаршей Церкви как раскола (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 275. Л. 1). Здесь следует отметить, что фактически таинства Патриаршей Церкви обновленцами полностью признавались, а отсутствие взаимного признания неоднократно подвергалось критике (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 33). «Архиеп.» Алексей называет «тихоновщину» «братом-близнецом» обновленчества и рассматривает отмежевание от нее, как от раскола, как глупый поступок Синода (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 275. Л. 1). Курс на отказ от богослужебных реформ в данном документе прямо не упоминается, но, исходя из контекста письма, можно понять, что и данное решение Синода вызывает у «архиеп.» Алексия отторжение и негодование.

Весьма примечательным является упоминание об унии Константинопольского и Александрийского патриархатов с Англиканской церковью в конце письма. «Архиеп.» Алексей говорит об унии как о свершившемся факте, подчеркивая, что почва для нее закладывалась уже давно. В частности, он пишет: «Уния Константинопольского и Александрийского патриархатов с англиканами — не новорожденное дитя. „О соединении всех и вся“ и мы с Вами молимся» (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 275. Л. 2). Из этого небольшого отрывка сложно понять личное отношение «архиеп.» Алексия к данному событию, хотя можно предположить, что оно скорее положительное, нежели критическое. Более интересным представляется здесь, о чем именно Иркутский «архиеп.» пишет «митр.» Николаю Минину. Большинство исследователей сходны во мнении, что никакой унии в этот период в действительности не заключалось. Вполне логично предположить, что попытки сближения с Англиканской церковью имели место в этот период, как и ранее [Герд, 2017; Мазырин, 2016, 334], и могли особенно участиться после утраты значительной доли финансирования Восточных патриархатов из СССР (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 174. Л. 2; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 83 об., 91 об., 117 об.; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 230. Л. 2). Примечательно, что еще в январе 1932 г. между обновленческим Священным Синодом и Константинопольским патриархатом существовало взаимное признание. 18 января 1932 г. патриарх Фотий II (Маниатис) направил Синоду приветственную грамоту, содержащую поздравления с праздником Рождества Христова и особо отмечавшую деятельность Московской богословской академии (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 191. Л. 20). Вместе с тем свящ. А. Мазырин подчеркивает, что в этот период Константинопольский патриархат пытался установить контакты и с Патриаршей Церковью в СССР [Мазырин, 2016, 350–353].

Можно предполагать, что «архиеп.» Алексей, говоря об «унии», подразумевает переговоры между рядом Поместных Православных Церквей и Англиканской церковью, имевшие место в Лондоне в октябре 1931 г. В ходе переговоров действительно был достигнут консенсус по ряду догматических вопросов, что на фоне осуществленного ранее признания апостольского преемства Англиканской церкви открывало возможности для дальнейшего заключения унии. В таком случае остается загадкой, почему автор говорит именно об «унии Константинопольского и Александрийского патриархатов», так как в вышеупомянутых переговорах участвовали представители большего числа Поместных Церквей [Лаврова, Соловьева, Сперанская]. С другой стороны, именно патриарх Фотий II и патриарх Александрийский Мелетий II (Метаксакис) были наиболее последовательными сторонниками сближения с Англиканской церковью [Мазырин, 2016, 347; Лаврова, Соловьева, Сперанская].

Необходимо отметить, что сам по себе интерес «архиеп.» Алексея Копытова к подобной проблематике характеризует Иркутского «архиепископа» как человека, стремящегося к анализу общецерковных событий.

Таким образом, первый из рассматриваемых нами документов, «Отчет», содержит только краткие отчетные сведения о состоянии и деятельности Восточно-Сибирской митрополии. В документе негативно характеризуются «архиеп.» Петр Добринский и «архиеп.» Виктор Ципкевич. Положительно автор отзывается об «архиеп.» Александре Авдентове, а также с теплом вспоминает своего друга и соратника «архиеп.» Михаила Николаева, хотя и не упоминает о его судьбе после 1923 г. Содержит «Отчет» и воспоминания автора о пребывании на Ишимской кафедре. «Архиеп.» Алексей положительно характеризует деятельность на Иркутской кафедре «архиеп.» Василия Виноградова и «архиеп.» Ильи Фокина, хотя первого изображает человеком тщеславным. В документе критикуется «митр.» Александр Введенский. Резкой критике автор подвергает стремление «митр.» Александра к отказу от ряда церковных реформ.

В «Письме» «архиеп.» Алексей продолжает критику обновленческого Священного Синода. Автор упрекает высшую церковную власть в несвоевременном предоставлении благословения и необходимых сведений для митрополитанского съезда. Подвергается критике решение о признании Патриаршей Церкви расколом. Решение об отказе от богослужебных реформ в тексте прямо не упоминается, но можно предположить, что и оно не одобрялось «архиеп.» Алексием. Примечательно упоминание в документе об унии Константинопольского и Александрийского патриархатов с Англиканской церковью. Поскольку никаких свидетельств о заключении данной унии нами не обнаружено, следует предполагать, что здесь автор говорит о переговорах октября 1931 г. Само упоминание данных событий характеризует «архиеп.» Алексея как человека, живо интересующегося общецерковными событиями.

Заключение

Подводя итоги настоящему исследованию, следует указать, что не вызывает сомнения принадлежность обоих рассматриваемых документов перу «архиеп.» Алексея Петровича Копытова, что доказывается как идентичностью почерка, так и содержанием источников. Первый из документов следует отнести к декабрю 1931 — январю 1932 г., второй — к середине лета 1932 г. Первый документ по своему жанру является черновиком официального отчета с авторскими ремарками, второй документ представляет собой неотправленное письмо, адресованное, с большой вероятностью, «митр.» Дальневосточному Николаю Минину.

Рассматриваемые документы создавались в период управления Иркутской епархией и Восточно-Сибирской митрополией «архиеп.» Алексием Копытовым — время некоторой стабилизации обновленческого раскола в Восточной Сибири после пиковых гонений 1930 г. Часть общин к этому моменту приспособилась к новым условиям существования, другая часть жила в ожидании неизбежного скорого закрытия. К концу 1931 г. работа ВСКМЦУ полностью стабилизировалась. К середине 1932 г.,

несмотря на то, что ряд организационных вопросов оставался нерешенным из-за провала попытки созвать митрополитанский съезд, в ряде епархий Восточной Сибири несколько возросло число прихожанин. В это же время на общецерковном уровне Священным Синодом был взят курс на свертывание литургических реформ.

Первый из рассматриваемых документов, «Отчет», отражает положение Восточно-Сибирской обновленческой митрополии на рубеже 1931–1932 гг. Само состояние митрополии освещается весьма кратко, однако большое внимание автор уделяет характеристике ряда сибирских «архиереев». Обращаясь к истории Иркутской обновленческой епархии, «архиеп.» Алексей Копытов положительно отзывается об «архиеп.» Василии Виноградове и «архиеп.» Илье Фокине, называя их «солидными обновленцами». Вместе с тем «архиеп.» Василий в документе подвергается некоторой критике за свое тщеславие, хотя отчасти и небезосновательное. Резко автор критикует «митр.» Александра Введенского как бездарного администратора, пренебрежительно относящегося к провинциальной пастве. Критикуется и стремление «митр.» Александра к свертыванию церковных реформ.

Второй рассматриваемый документ, «Письмо», содержит более отчетливую критику обновленческого Священного Синода. Критикуется несвоевременное предоставление благословения на проведение митрополитанского съезда в конце мая 1932 г., а также тот факт, что Синод проигнорировал запрос от ВСКМЦУ о предоставлении статистических сведений. Глупым выставляется решение Священного Синода о признании Патриаршей Церкви расколом. Решение о свертывании богослужебных реформ прямо не критикуется, но следует предполагать, что и данный шаг Синода «архиеп.» Алексием не одобрялся. Особенный интерес вызывает упоминаемая в «Письме» уния Константинопольского и Александрийского патриархатов с Англиканской церковью. Анализ литературы, посвященной данной проблематике, позволяет утверждать, что уния в этот период в действительности не заключалась, а автор подразумевает православно-англиканские переговоры, проходившие в Лондоне в октябре 1931 г. Из приведенного упоминания становится очевидным, что определенно «архиеп.» Алексей проявлял интерес к общецерковным событиям.

В целом, можно отметить, что оба рассматриваемых документа принадлежат перу «архиеп.» Алексея Петровича Копытова и создавались в условиях стабилизации состояния вновь образованной Восточно-Сибирской обновленческой митрополии после гонений 1930 г. Документы характеризуют их автора как идейного обновленца, интересовавшегося церковной жизнью в СССР и за рубежом и способного критиковать высшую обновленческую церковную власть. Будучи убежденным в правоте обновленчества, «архиеп.» Алексей не мог отказаться от участия в расколе, поэтому ему оставалось только излить на бумаге свое недовольство высшей обновленческой властью.

Источники и литература

Источники

1. ГАИО — Государственный архив Иркутской области. Ф. 485. Оп. 1. Д. 18; Ф. 485. Оп. 2. Д. 33; Д. 161; Д. 174; Д. 179; Д. 182; Д. 188; Д. 191; Д. 202; Д. 210; Д. 211; Д. 212; Д. 214; Д. 215; Д. 219; Д. 223; Д. 225; Д. 229; Д. 230; Д. 232; Д. 237; Д. 252; Д. 263; Д. 265; Д. 275.

Литература

2. Герд (2017) — Герд Л. А. Англиканская церковь и Константинопольская патриархия в конце XIX — начале XX в. // Христианское чтение. 2017. № 1. С. 351–368.

3. Ильина, Базалийская (2011) — *Ильина Е. В., Базалийская О. Т.* Церковный раскол в воспоминаниях священника Иркутской епархии // Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 6. С. 235–246.
4. Краснов-Левитин: *Лихие годы* — *Краснов-Левитин А. Э.* Лихие годы (1925–1941). Воспоминания. <https://azbyka.ru/fiction/lihie-gody-krasnov-levitin/> (дата общения: 04.07.2021).
5. Краснов-Левитин: *Рук твоих жар* — *Краснов-Левитин А. Э.* Рук твоих жар (1941–1956). Воспоминания. <https://azbyka.ru/fiction/ruk-tvoix-zhar-krasnov-levitin/> (дата обращения: 04.07.2021).
6. Краснов-Левитин (1990) — *Краснов-Левитин А. Э.* Труды и дни. Обновленческий митрополит Александр Введенский. Крестей, 1990.
7. Кульпинов (2019) — *Кульпинов С. С.* Несостоявшийся съезд Восточно-Сибирской митрополии в контексте положения обновленческого раскола в Восточной Сибири в 1931-м — первой половине 1932 г. // Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2019. № 29. С. 63–76.
8. Кульпинов (2020) — *Кульпинов С. С.* Обновленческий раскол в источниках личного происхождения за авторством «архиепископа» Алексея Петровича Копытова // Тезисы международной конференции «Маргиналии — 2020». URL: <http://uni-persona.srcs.msu.ru/site/conf/marginalii-2020/thesis.htm> (дата обращения: 04.07.2021).
9. Лавринов (2016) — *Лавринов В. В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016.
10. Лаврова, Соловьева, Сперанская — *Лаврова П. В., Соловьева Т. С., Сперанская Е. С.* Англикано-православные связи. Богословские диалоги XVIII–XX вв. // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/115118.html> (дата обращения: 04.07.2021).
11. Мазырин (2016) — *Мазырин А. В., свящ.* К вопросу о русском факторе в срыве Всеправославного собора в 1920–1930-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1 (34). С. 333–357.
12. Попов (2011) — *Попов П. А., прот.* Дневник настоятеля Иркутской Знаменской церкви (бывшего Иркутского женского Знаменского монастыря) священника Петра Попова. 23 апреля 1922 г. — 15 марта 1927 г. Иркутск, 2011.
13. Соловьев (2009) — *Соловьев И. В., свящ.* Штрихи к историческому портрету «обновленческого» митрополита Александра Введенского // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. М., 2009. Т. 1. С. 300–307.